

УДК 94(575.2) (04)

ТАЛАССКОЕ ВОССТАНИЕ (1930 г.)

Т.Ж. Разаков

Раскрываются неизвестные страницы борьбы простых граждан Кыргызстана в начале 30-х гг. XX века против перегибов советской власти во время коллективизации и борьбы с кулачеством на примере жителей Таласского кантона.

Ключевые слова: борьба с кулачеством; налоги; борьба с басмачеством; перегибы советской власти; выступления народа; репрессии ОГПУ.

Материалы архива ГСНБ КР времен коллективизации и раскулачивания зажиточной части жителей Кыргызской автономной республики свидетельствуют о многочисленных перегибах и злоупотреблениях со стороны как партийных органов, так и органов безопасности. Массовые репрессии ОГПУ по требованию партийно-советского руководства СССР в конце 20-х гг. XX в. начались в сельских районах и носили в основном классовый характер. В результате имели место ряд выступлений жителей против советской власти в целом [1]. Так, в Таласском кантоне Кирг. АССР население аулов 8, 9, 10, 11, 12 Таласской волости, общей численностью примерно 900 человек, вооруженные 5–6 трехлинейными винтовками и 30–35 охотничьими ружьями, совершили нападение на административный центр Таласского кантона, село Дмитриевку. Разгромили местный Исправдом, освободили содержащихся в нем всех арестованных (до 50 человек), пытались разгромить и захватить кантонные партийные и советские учреждения, но, получив отпор от организовавшихся в добротряд местных партийцев и советских работников, были вынуждены оставить Дмитриевку и уйти в горы, где впоследствии часть их, убедившись в неудаче своей затеи, разбежались по своим аулам, а остальные были ликвидированы войсковым подразделением. Всего было убито и арестовано 180 человек [1, с. 5–15].

Органы ОГПУ Таласского кантона глубокой ночью получили сведения от своего осведомителя о предстоящем штурме с. Дмитриевка. Это спасло партийно-советский актив кантона от неминуемой расправы, дало возможность организовать оборону села Дмитриевка, обратиться в бегство почти безоружных, но решительно настроенных жителей Таласского кантона.

Допрошенный в качестве обвиняемого житель 10 аула Таласской волости Иманалиев Кушбак показал, что осенью 1929 года в 10-м ауле состоялось совещание местных баев и манапов, в котором принимали активное участие представители Ферганского басмачества Джунусалы-хальфа и Аулие-Атинский (Джамбульский) духовник Алтын-хан. В частности, они заявили, что составляют списки сочувствующих и желающих присоединиться к выступлению против советской власти. Высказывали угрозы в адрес тех, кто не запишется в это движение и пригрозили объявить их врагами народа и ислама и уничтожить как сторонников большевиков. После этого совещания для связи с ферганскими басмачами были отправлены баи Игамбердиев Кадырбай и Алманов Акжол.

О целях приезда Джунусалы-Хальфа обвиняемый Чинходжоев Джолдош показал: *«Когда поели мясо, то сели на лошадей и, отъехав недалеко от аула, остановились. Джунусалы-Хальфа стал говорить: “Я был у Ишима, Ишанкула, у багишцев (род Багии в Рыковской волости), вообще я разъезжаю по всему Таласу (имеется в виду Таласская долина), везде встречаю живой отклик на свою проповедь, а проповедую я борьбу за ислам. Я имею связи с Ташкентом и другими городами, и если вы пожелаете, привезу в Талас человека, который сумеет восстановить силу мусульман и избавить их от всех притеснений, какие они испытывают в настоящее время. Этот человек сумеет, если будет помощь с вашей стороны, прогнать ваших угнетателей большевиков и вы заживете спокойно, как жили ваши отцы”».*

Обвиняемый Супатаев Керимбек о выступлениях Джунусалы-Хальфа показал: *«Хальфа сказал нам: “Настало тяжелое время. Власть притесняет религию, не дает нам мусульманам жить. Мы должны объединиться и свергнуть*

власть большевиков. Я приехал к вам за помощью и питаю надежду на то, что вы поможете мне в этом деле”».

В результате агитации Джунусалы-Хальфа собравшиеся решили объединиться и оказать ему помощь в проводимой работе.

Обвиняемый Чинходжаев Джолдош по этому поводу показал:

“...Все заговорили о тяжестях теперешней жизни. Досмат Кошаев, обращаясь к присутствующим, сказал: “Братья, тяжести теперешней жизни вам всем хорошо известны, их каждый испытал на своей спине. Мы душой и телом будем с Джунусалы-Хальфа и его единомышленниками” [2, с. 21].

О возникновении Рыковской (ныне Кара-Буринский район – Р.Т.) контрреволюционной группы обвиняемый Айтназаров Байкельды показал: “Осенью 1929 года бай-манапы волости во главе с братьями Канаевыми Мырзабеком и Усупбеком, решили выступить против Советской власти и присоединиться к басмачам” [2, с. 38].

Более подробный список членов этой группы дал обвиняемый Истамбеков Борке, в числе которых помимо братьев Канаевых названы Султанмуратов Узбек, Сопубеков Тюрябек, Джанадылов Рыспек, Калыкеев Мюсралы, Байдавлетов Давлеталы, Чыныбеков Курман, Уркумбаев Байсаба и другие.

В указанном деле сотрудники ОГПУ допросы вели с классовых позиций и пытались дать в основном политическую окраску данному выступлению жителей Таласа. Но тем не менее в показаниях отдельных обвиняемых приводится истинная причина стихийного выступления против искривлений и перегибов советской власти. Так, обвиняемый Джанадылов Рыспек показал: “... в 1929 году осенью я сдал 702 пуда хлеба, уплатил сельхозналога 1300 рублей и самообложения 400 рублей. За неимением хлеба весь хлеб я покупал за 6 рублей за пуд. Так как опоздал на несколько дней с выполнением по засыпке хлеба, был оштрафован: забрали 5 лошадей, 1 быка, 2 барана. До 1929 года имел 450 баранов, 47 лошадей, 9 голов крупного рогатого скота. В данное время имею 150 баранов, 15 лошадей, 4 головы крупного рогатого скота. Остальное променял на хлеб, а часть продал, полагая, что все равно заберут в колхоз. Это заставило меня найти выход из положения в подготовке выступления против Советской власти” [2, с. 102].

Обвиняемый Укуев Чойбек дал следующие показания: “...Причиной, побудившей нас избрать именно путь восстания, послужило следующее. Зимой 1929 года из Таласского кантона был выселен ряд зажиточных и почетных людей. Каждый более или менее зажиточный был обло-

жен непосильным налогом, а потом пошли хлебозаготовки. Весной я имел 270 баранов, 22 лошади, 2 коровы, 1 верблюда, 1,5 га посева, с которых получил 80 пудов. Налога уплачено: с/х налога 400 рублей, самообложения 200 рублей, страховых 80 рублей, на тракторы 50 рублей, 75 рублей не помню какого налога, за лишения права голоса 54 рубля, на аэропланы 5 рублей, облигации в обязательном порядке 70 рублей, 140 рублей штрафа лесобездчику, 140 рублей подкопытный налог, 12 рублей за стоянку юрт, 80 рублей за джайлоо. Всего 1316 рублей. По хлебозаготовке внес 210 пудов, из которых 150 пудов пришлось покупать на рынке, менять на баранов.

К концу 1929 года у меня осталось: 140 баранов, 13 лошадей, 2 коровы, 1 верблюд. К этому надо добавить, что несмотря на то, что во время хлебозаготовок многим пришлось покупать хлеб на рынке, сроки же давались 2-3 дня, а в случае невыполнения практиковались штрафы, описи, конфискации” [2, с. 133].

К этому прибавлялся вопрос с закрытием мечетей. Почти во всех аулах мечети были закрыты. Местными властями вопрос был поставлен так: “...или молитесь и платите за мечеть налог, или закрывайте мечеть”.

Некоторые имамы, например, Инходжаев Даулбек, пытались продолжать служить, но и он, после того как на него был начислен налог в сумме 250 рублей, закрыл мечеть.

Исполнительное бюро Таласского канткома ВКП(б) в своей резолюции по этому вопросу отмечало:

1. Директивы партии о коллективизации, переданные Киробкомом ВКП(б) в низовые ячейки, совершенно не прорабатывались, а поэтому в ряде мест была допущена административная организация колхозов без обсуждения и проработки этого вопроса на собраниях бедноты и батрачества и сельских сходах.
2. Директивы партии об организации простейших форм коллективных хозяйств также не были проработаны и разъяснены населению, в результате чего навязывались высшие формы колхозов, с обязательным обобществлением скота и имущества, вопреки желанию самих колхозников.
3. Недооценка середняка (допущение случаев его раскулачивания и переобложения) привели к тому, что байманапским и кулацким элементам удалось втянуть часть бедняцко-средняцких масс в басмаческое выступление, направленное на срыв мероприятий Советской власти.

Таблица 1 – Учет объектов обложения, 1929–1930 гг.

Аул 10		
Объект обложения	1929 г.	1930 г.
Мелкий рогатый скот	3010	764
Лошади	224	101
Крупный рогатый скот	67	26
<i>Всего поголовья</i>	<i>3301</i>	<i>891</i>

При проведении производственной сельскохозяйственной кампании к 1930 году из внимания партийных органов совершенно выпало животноводство, и проведение весенней посевной кампании с развитием животноводства увязано не было. В результате во всех аулах поголовье скота катастрофически снизилось (таблица 1). Иными словами, осталось всего 27 % поголовья. Как образец искажения и небрежного отношения к скотоводу приведена выписка из протокола № 13 собрания бедняцко-средняцкого актива 12 аула. Собрание происходило в присутствии уполномоченного Кантисполкома Лазарева.

“Постановили: сумму тракторных обязательств 590 рублей распределить на хозяйства, обложенные в индивидуальном порядке. Таких в ауле имеется 9 дворов. Предоставить таковым 3-дневный срок. В случае неуплаты в указанный срок на распределенную сумму у таковых изъять скот, для этого выделить комиссию из 3-х человек”.

В этом же ауле 12 декрет Кирг. ЦИКа о запрещении разбазаривания скота и сельхозинвентаря был понят как декрет, вообще запрещающий продажу какого-либо имущества. Сельским советом были созданы комиссии для описи всего имущества лишенцев и индивидуально обложенных. Описывались ложки, одеяла, подушки, самовары, кошмы и пр. Эти акты и описи были собраны в сельсовете, подшиты в дело, и что с ними делать

дальше, никто не знал и никому эти описи не понадобились, но сам факт переписи создал настороженное настроение и безусловно сыграл свою роль при басмаческом выступлении.

Комиссией установлено, что подготовка восстания велась не только путем агитации, но и путем подкупа. Так, например, в 12 ауле Чойбек Укуев в течение нескольких дней зарезал 80 баранов для угощения бедноты [2, с. 142–146].

Всего в боях 27 марта 1930 года в с. Дмитриевка Таласской волости было убито 59 человек, ранено 10, изъято трехлинейных винтовок – 2, охотничьих ружей – 10, киргизских мультаков – 17. Кроме этого была разбита оружейная мастерская, расположенная в верховьях реки Урмарал, часть мастеров были перебиты, остальные разбежались. Против повстанцев были использованы регулярные войска Красной Армии, части которой для борьбы с басмачами находились в Таласском кантоне. Восставшие после неудачного набега в с. Дмитриевка отступили в горы, в труднодоступные ущелья, однако это их не спасло от хорошо вооруженных, имеющих богатый опыт борьбы с басмачами регулярных войск. 5 апреля 1930 года части Красной Армии завершили разгром сил восставших крестьян.

Литература

1. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 1944. Л. 64–69.
2. Арх. ГСНБ КР. Ф. 2. Т. 1. Д. 27.